

18+

Александр Лекомцев

Преображённый лиходе́й

фантастический роман

Александр Лекомцев
Преображённый лиходея

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Лекомцев А. Н.

Преображённый лиходей / А. Н. Лекомцев — «ЛитРес:
Самиздат», 2016

Что бы ни происходило в нашей обители и в запредельных мирах, всё равно отдельные отрезки вечной жизни становятся совершенней. Не в одночасье, но преобразится человек, освободится от тяжкого груза многочисленных недостатков, заблуждений и грехов. Неоднозначна и сложна судьба и главного героя романа, обладающего великими, необычными способностями, вселившегося после своей биологической смерти в тело другого человека. Кто же он, считающий себя врачом, магом, колдуном, особенным существом и... Михаилом Гировым? Дано ли ему выйти за круг вселенского зла?

Содержание

Шанс для исцеления	6
Протест негативной сути	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наконец-то тридцатилетний наёмный убийца по прозвищу Георгин (видимо, из-за своей привлекательной внешности, к тому же, имени «Георгий») получил пулю, которая влетела прямоком в его левый глаз. Врачи, главным образом, нейрохирурги, отчаянно боролись за его жизнь и не только потому, что за это им щедро приплатили трое ново-русских господ жирными «баксами», то есть густой «зеленью». Дело ещё частично заключалось в том, что они были врачами и ещё фрагментами не забыли о своём предназначении на грешной земле. Профессиональный долг и престиж... Одним словом, если врач, значит, лечи!

Надо заметить, что старания их были не совсем напрасными, и многое в лечении Георгина складывалось удачно. Причём, до такой степени, что одноглазый, с простреленной головой Георгин через полтора месяца пришёл в сознание, и вскоре здоровье его заметно улучшилось. Он даже вспомнил свою настоящую фамилию, в придачу с именем и отчеством – Пирогов Георгий Арсеньевич.

Но, к сожалению, окрылённые успехом продолжатели славных дел Гиппократов в тысячный раз убедились в том, что самый главный начальник над человеком не президент страны, ни мама с папой, ни зонковский смотрящий, ни бригадир, к примеру, коллектива сантехников, а Господь Бог. Одноглазый Георгин пришёл в сознание только затем, чтобы покаяться в своих грехах перед возникшими перед ним следователями из специального комитета при городской прокуратуре, перед настоятелем православной Успенской церкви отцом Романом и затем тихо уйти в иной мир.

Шанс для исцеления

Прощать или не прощать Георгина, прошедшего почти сразу же после детского дома несколько локальных войн и специальную подготовку по рукопашному бою и стрельбе, было за что. Людей, превращённых им в трупы, числилось великое множество. Это без учёта его стараний во время боевых действий и операций. Его основная беда заключалась в том, что, не имея никакого образования, ни физической, ни интеллектуальной работы, он стал киллером – наёмным убийцей. Завязав окончательно со службой в «горячей точке» России, он занялся отстрелом людей, которые по каким-то причинам и кому-то мешали совершать глобальные преступления.

Отправил он на тот свет ни много – ни мало – тридцать пять человек. Это, в основном, политики, бизнесмены, несколько зажавшихся рэкетиров, три бандита, две девицы, одна бабуся... Был в их числе даже десятилетний малыш. Кому он-то мешал? Но Георгин не спрашивал заказчиков, почему и как. Он честно выполнял свою работу – отправлял на тот свет и малого, и старого.

Находясь же на смертном одре, в сознании и здравом уме, он полностью и целиком, что называется, вломил себя и всех, кто был причастен к убийствам, совершённых лично им. Видимо, перед смертью на него нашло озарение, и он понял, что жил не правильно и грешно. Вот так и умер. Благо, деньги у него водились, и потому зарыли его поганое тело на одном, почти престижном, кладбище с некоторыми почестями сердобольные люди. Возможно, немалую роль в участии их в организации похорон лиходея и в сопереживании к нему сыграли немалые деньги.

Совсем юная и красивая, голубоглазая блондинка, его жена, ставшая вдовой, Вероника Пирогова спокойно приняла, почти, как должное, безвременную и трагическую смерть своего непростого супруга Георгина, то есть Георгия Арсеньевича. Кое-какие сбережения после его ухода в иной мир остались, да и не в одной «кубышке». Кроме того, имелся у неё и тайный объект, любящий и любимый человек, обычный рядовой инженер строитель, тоже совсем ещё молодой Владимир Степанович Баныбов. Не красавец, не богатырь, но нормальный парень.

Когда же мерзкое «я» Георгина, вместе с его чёрной, условной духовной субстанцией, ушло за пределы человеческого понимания мира и бытия, то перед ним часть горькой и простой истины: он – лиходей. А злодеям за великой незримой «чертой» не может быть оправдания. Пройдя в неизведанность через мрачную тоннель, Георгин ещё глубже осознал, что в земной жизни наломал немало дров. Совершил такое количество смертных грехов, что их с избытком хватило бы на добрый десяток отпетых негодяев. Конечно же, на какое-то время вернулся Георгин к собственной могиле.

Он, бестелесный, сейчас видел, слышал, осязал и чувствовал гораздо больше, чем самый великий земной провидец. Летая над местом захоронения своего грешного тела, где на шикарном мраморном памятнике было его фото в керамическом исполнении, высечена имя, фамилия, отчество, дата рождения и смерти, он калялся, стонал и не рыдал, а даже выл. Причём, так громко, что гробовщики принимали его стоны за голоса волков, которые в этих местах никогда и никому не встречались.

Не ощущая ни малейшей физической боли, Георгин испытывал такие муки и страдания, что ни обратить на них внимания было очень трудно даже духам местного значения. Потому, наблюдая за всем этим, Творец снизошёл к нему и даже утешил его бессловесно. Не то, что бы он сходу простил его за содеянное зло, но, во всяком случае, успокоил.

Оказывается, в том, что творил киллер на Земле, он сам был виновен только наполовину. Георгин существовал на ней в образе человека, но таковым, по сути, не являлся. Не обладал бессмертной душой, данной каждому встречающему от бога. Кем же он был? Мощным элемен-

талом, практически, духом, и в данном случае, недобрым слугой одного из великих властителей зла – Асмодеем, который является не только князем демонов, одним их приближённых самого Люцифера, ангелом-искусителем. Но ведь не только. Он ведь ещё – истребитель, то есть покровитель наёмных убийц, таких, как Георгин.

Впрочем, не углубляясь в детали вселенского негатива, Георгия Арсеньевича Пирогова, можно было назвать просто лиходеем, каких на нашей планете не так уж и мало. Но ведь злодеи – непростые люди, точнее, существа, негативные сути, скрывающиеся под человеческими оболочками. В телах людских может находиться всё, что угодно. Но главное в том, чтобы внутреннее содержимое и содержание не являлось пышным букетом пороков или сборищем разрушительных стихий, творящих зло.

Всезнающий разум Всевышнего открыл перед наёмным убийцей если не жуткую, то не совсем приятную истину. Она заключалась в том, что нет в земном мире пока ни одного истинного человека, каким его видит Бог. Нет! Потому, что греховны даже те люди, которые судорожно спешат объявить себя святыми. Они ведь ещё более опасны для человечества, чем все остальные, ибо не пытаются, а самым наглым образом ложь выдают за правду. И ведь у многих получается. Но до поры – до времени.

А пока что истинное добро, как мельчайшие крупички, к счастью, ещё существует в среде монолитного, серого и всепобеждающего зла и даже развивается... Но пока пороки всесильны. Только слабый духом и приспособленец уподобляется тому самому страусу, который прячет голову в песок. Ему плевать на то, что задница его находится наружи. Он ведь всегда готов её подставить во имя весьма и весьма странных постулатов условной и дозированной демократии. Войны, убийства, алчность, распутство, зависть, ложь, предательство, подлость, гордыня и прочие неприглядные явления превращают человека в монстра. Нет пока на Земле истинного мыслящего и гуманного существа.

Но в других мирах и обителях человеческие существа уже, к счастью, начинают развиваться в том направлении, в котором им повелел Господь. Нелегкое выпадает существование среди истинных людей относительно мыслящим двуногим, пусть телесным, но бездушным. Но они, тем не менее, не просто выживают, а даже процветают на людских костях и крови. Парадоксально, но факт.

В том, что истина и добро победят везде и всюду, нет сомнения, но ведь только в том случае, когда человек станет Человеком. Да и великие элементалы зла при этом должны будут превратиться в сообщество самой добродетели. Но пока не происходит желательных метаморфоз, и на Земле по-прежнему у руля они: Дьявол, Сатана, Вельзевул, Люцифер, Астарот, Молох, Бельфегор и так далее и даже в женских обличиях. Их далеко не божественные и условные души (скорее, специфические субстанции) мешают преобразиться всем нам, стать совершенно иными.

Об этом Георгину и говорил Господь. Но дух киллера, даже приняв покаянный вид, беззвучно смеялся. Он вспомнил о тех земных сказках, в которых представители не всех, но самых разных религиозных учений безапелляционно утверждали, что только тот, кто идёт к Богу, обладает бессмертной душой. Оказывается, в такого рода утверждениях содержится полная чушь. Нет ничего смертного вообще. Смерти не существует, а есть вечное движение всего живого, развитие и... деградация. Чаше всего эти два понятия неотделимы друг от друга и меняются местами.

Ведь порой не провести чёткой границы между добром и злом, тем более здесь, за пределами земного бытия. «Пусть я слуга Асмодея, рождённый по воле злых стихий, – подумал киллер, – но я хочу быть человеком, хочу быть творением божьим, почитателем его. Но только не рабом его. Так не должно быть. Если я когда-нибудь и совершу зло, то по воле Всевышнего, ради добра».

«Я не могу отправить твою грешную душу в более высокие сферы, – ответил ему Всевышний. – Но и дать тебе возможность вновь возродиться в одном из Миров в виде злого и жестокого элементала я не желаю. Ведь когда ты вновь станешь лиходеем, тогда ты опять натворишь немало бед на радость твоему если не отцу, то хозяину Асмодею. Он сейчас затаился и слушает то, о чём нам приходится с тобой беседовать. Ангел-истребитель не верит в добро. Неукротимый и страшный дух его, как и ты, смеётся надо мной. Но он знает, видит, слышит, ощущает гораздо меньше, чем я. Не дано ему».

«Что же мне делать, Господи?! – Возопил бестелесный Георгин. – Ведь я не прошу много. Я готов вернуться в ад земной, чтобы добрыми помыслами своими искупить свои прежние грехи. Может быть, потом, через несколько рождений, я смогу стать человеком».

Милостивый, но строгий Господь запретил ему вновь появляться на свет в виде младенца пусть на грешной, но, всё же, на Земле, в том мире, где обитают люди. Не пришло время. Но надежда на совершенствование любого существа всегда остаётся. Говорят, что надежда умирает последней. Это совсем не так. Он живёт всегда вместе с бессмертной частью того, что называется не духовной субстанцией, а душой.

Но этих тонкостей и нюансов сейчас не дано было понять Георгину. Не всё же ведь можно постичь сходу. Да и порой многим и не дано прикоснуться сознанием своим даже к мельчайшей крупицы Истины. Хоть тысячи раз ты родись и умри на Земле или в каком-нибудь другом мире, сожжешь узнать и почувствовать только то, что тебе дано. А начинать следует с «малого», осознать, что беспредельна не только Вселенная, но и ничтожная пылинка, в глубине своей. А ведь ни одна бесконечность не может быть больше или меньше другой. Разве можно это понять? Вполне, если стараться мыслить не только устоявшимися, зачастую, догматическими представлениями о «жизни» и «смерти».

«Если не понимаешь, то запомни главное: Земля в бесконечном пространстве ни одна, – сказал ему Господь, – и существует всё, что может представить человеческий разум. Да разве ж только человеческий? Ведь идущий с неба дождь такое же чудо, как и летающий человек. Хотя и то и другое есть не чудо, а явь. Ведь всё это можно себе представить».

«О! Господи! Устал я быть проклятым демоном в человеческой плоти! – Взмолился киллер. – Ведь я предчувствую новые движения своей, пока ещё нетленной, душой».

«Да будет так! – решил Господь. – Скоро ты появишься в обители самых разных существ. Но истину ищи сам! Много тебе будет дано на первых порах. Но однажды ты потеряешь силу свою в одно мгновение, чтобы через слабость обрести хоть какое-то подобие души. Знай же, что труден это путь, и появиться в телесной оболочке – странный болезненный сон, равносильно временной смерти. Хотя нет её, смерти и быть не может».

«Но для того, чтобы послужить добру, я готов ко всему, Господи!».

«Ты появишься в той России, какую не узнаешь даже своим подсознанием. Там всё смешалось – и старое, и новое, и небывалое доселе, как, впрочем, и на всей Земле. Всё это, в земном понимании, не постичь и не придумать. Это – и н о е! Но зла предостаточно и там. Много в той России может показаться тебе и смешным, и жутким».

Сегодня же Георгину предстояло окончательно освободиться от своей телесной оболочки и перебраться в другую. На той, иной Земле, в неведомой «запредельной» России умирал, точнее, выходил из своего тела врач, слушатель Верховной школы врачевания и знахарства Михаил Гиров. Инфаркт. Он быстро и успешно отработал свою карму на Земле, и поэтому ему предстояло родиться мыслящим крылатым существом на планете Синих Огней.

«Тот человек уйдёт в мир, непохожий на земной, – пояснил Георгину Всевышний, – а ты вселишься в его тело. Сознанием ты станешь Гировым, но потусторонний разум, подсознание твоё сохранит всё. Оно многое помнит и знает. Ты сможешь только догадываться о том, что в минувшей жизни был наёмным убийцей, лиходеем. Но, считая себя Гировым, ты пока не станешь человеком, будешь элементалом. Но я верю в твоё преобразование». Господь тут

же предупредил Георгина, что прежде чем он когда-нибудь... уподобится человеку, пройдёт немало условного времени. Надо будет постараться хоть что-то исправить в своих намерениях и поступках. «Дерзай, грешник! Надеюсь на добрый исход и благословляю!».

Для умирающего киллера Георгина, точнее, уходящего в один из иных миров, именно, таким представился разговор с Всевышним. Конечно же, он не мог понять, постичь, что же такое Бог, и какой он, на самом деле. Но так и должно быть, ведь каждый видит, слышит, ощущает, чувствует лишь только то, что ему дано, что ему... позволено.

Бывший киллер и лиходея почувствовал, ощутил, что, будто проваливается куда-то, вниз. На немыслимое чёрное дно. Георгин через несколько мгновений почувствовал, что опять обладает телом, и открыл глаза. Он вселился в телесную оболочку врача Михаила Семёновича Гирова. Стал им, по земным представлениям. Вокруг себя, лежащего на широкой кровати, он увидел людей в белых халатах.

– Ну, и напугал же ты меня, Миша! – Улыбнулся молодой, толстый и низкорослый реаниматор с бородой и усами Павел Петрович Криницын. – Я уже посчитал, что ты на том свете, а ты... Ну, молодец! Слава богу! Всё будет в норме. Скажу тебе по секрету, что такого просто почти не бывает. Редко случается, чтобы покойник решил... вернуться назад.

– Не обижайся, – с трудом улыбнулся бывший киллер. – Но такое бывает, когда один дух покидает тело, а другой тут же в него вселяется.

Разумеется, все должным образом восприняли шутку воскресшего, рассмеялись. Все только радовались тому, что Миша Гиров нашёл возможность вернуться... назад, как бы, воскреснуть. Что ж, и такое бывает. Не так часто, но происходит, случается.

А ещё через несколько минут довольно бодрое и крепкое тело, главным образом, сознание потеряло всю прежнюю информацию, которой располагал Георгин. Он окончательно стал Гировым. Естественно, при этом он начисто забыл, что когда-то был убийцей. Кому нужна была такая амнезия? Людей она не красит. Значит, такого расклада пожелал Господь Бог. Напрочь недавним киллером была забыта его недавняя стрельба по живым мишеням.

Трудно, к примеру, представить себе Землю такой, какой она станет через несколько тысяч лет. Самый великий провидец на протяжении всей своей никчемной и сумбурной жизни, опираясь на собственные «предсказания» будет только, что называется, тыкать пальцем в небо и, конечно, пару десятков раз окажется недалеко от истины. Ведь не исключено, что из пары сотен сумбурных гипотез две-три могут стать и научными открытиями.

Еще сложнее поверить в то, что в беспредельном пространстве Мироздания существует бесконечное количество планет с названием «Земля». На одной из таких и появился в чужом теле бандит Георгий Пирогов и сразу же посчитал себя врачом Михаилом Гировым. Так ведь обычно и происходит. Тот, кто живёт в чужом теле, вынужден подчиняться его «грубой» материальной памяти.

Среди других известных стран на этой планете имела и Россия. Она чем-то похожа на нашу, но, вместе с тем, совершенно иная – после множества аварий на атомных станциях, нескольких ядерных войн, природных катаклизмов, эпидемий и прочего... О техническом прогрессе в данном случае не может идти и речи. Если только так, по мелочам. Но ядерное оружие, ракеты и прочее у многих стран осталось в целостности и сохранности, не было уничтожено. Ничему людей не научили недавние катастрофы, политиканы и мафиозные структуры во всех частях Земного Шара снова готовились защитить свои... интересы и поставить под угрозу чужие.

Как говорится, «простым» людям не дано знать, почему они воюют друг с другом, а вот «сложные» обо всём ведают. Они считают себя властителями земного мира и производят его раздел руками своих народов, их кровью, несчастьями и бедами. Всё вульгарно и просто.

Некоторые изменения после войн и природных катаклизмов, всё же, и не этой Земле произошли. Они, как говорят, материализовались не только во всём мире, но и в неведомой России, потому что она часть его и, пожалуй, что, как всегда, основная. Те, кто пытался спорить с этим, сели в лужу и до сих пор в ней находятся с горькой обидой на физиономиях. Что ж, у каждого своя забота. Но страны, как обычно, поднимались из руин и, как обычно, процветали те господа, которые опять объявили своей частной собственностью всё то, что Господь щедро раздал всем людям. Без исключения.

Недалеко от шоссе, в роще, на небольшом лугу отдыхала небольшая компания молодых парней, человек девять-десять.

На весь лес горланил музыкальный двуногий фарфоровый робот, отдалённо напоминающий своим обликом человека. Он выполнял роль не только проигрывателя, радиоточки, но и собеседника. Изнутри специфической двуногой машины звучала громкая музыка и песня. Она исполнялась солистом с басистым голосом, из динамиков робота, встроенных в его тело, на свободе извергалось что-то очень жёстко-ритмичное на английском языке. О чём эта песня, никто и не задумывался. Да и какая разница. Лишь бы громко...

Тут же, на поляне, валялись опорожнённые глиняные бутылки из самого различного спиртного. У потухшего костра сидели три русалки с зелёно-жёлтой кожей и пышными волосами на голове, примерно, такого же цвета. Довольно симпатичные. Время от времени они занимались с юнцами сексом, прямо тут, на поляне.

Русалки имели почти человеческий облик – две руки, столько же ног... Правда, вместо ступни их задних конечностей были похожи на широкие ласты.

– Тётка Надька, у тебя всё там хлюпает, как в болоте, – говорил своей необычной партнёрше смуглый и черноглазый парень, делая свой дело. – Ведра два в тебя мальчишки влили!

– Так ведь и отдохнуть не даёте. Наши водяные парни-русалы поскромнее, – прокряхтела она. – Всё? Завершил? Кончил дело – гуляй смело! Давай, Ваня Снегирёв, твоя очередь! Ты ещё со мной не пробовал. Иди сюда!

– Иду, – ответил длинноволосый, малорослый и щуплый паренёк, – сейчас познакомимся!

Рядом стоящего музыкальный робот прекрасно имитировал звучание музыкальных инструментов, голоса птиц, зверей, человеческую речь, всё, что угодно, причём, без труда делал это одновременно. Сделав секундную паузу, он громко объявил:

– Зверейте все! Вам снова предстоит услышать прославленную крик-группу «Смерч»! Ваши уши порадуется неподражаемый голос певца, композитора, поэта Ивана Снегирёва. Наш музыкальный вопль называется «Призрак»! Распахните ваши рваные души и огромные уши! Пусть сексуальные пары совокупаются под музыку! Вперёд».

Громко зазвучала песня. Под музыкальное сопровождение электрических гитар, органа, ударных и прочих музыкальных инструментов и пел, фарфоровый робот солировал голосом Ивана Снегирёва:

– Мёртвая у смерти хватка!
Но в безумной круговерти
Умирать нам будет сладко.
Господа, не бойтесь смерти!

Всем нам суждено,
Погибнуть шутя.
Смерть с нами давно,
Смерть – наше дитя!

Извиваясь под телом Снегирёва, как рыба-змея, Надя с каким-то надрывным стоном не сказала, а прохрипела, предупредила:

– Если наши ребята-русалы увидят, что мы тут с вами кувыркаемся, то вам тяжело придётся. Русалы нас любят. Среди них не все такие развратные, как мы. Наши мужики умелые... Они просто вас поубивают. Умелые!

– Ты не отвлекайся, чёрт возьми. Сексом ведь занимаешься. Сбиваешь с ритма своим кваканьем, – задыхаясь, ответил Снегирёв. – А с ними разберёмся. Пусть к нам прыгают. Мы – не робкие. Каждый из наших музыкантов и фанатов двоих-троих водоплавающих мужиков запросто замочит.

– Давай, работай, Снегирёв. Я тебя почти совсем не чувствую, хвостун, и от скуки засыпаю.

– Да и ты не лежи, как камбала! Шевелись! Ты же, всё-таки, почти человек.

– А ты почти что русал, но непутевый. Всё мусолишь там... у меня по верху. Совсем, что ли, тупой или пьяный? Разобраться никак не можешь.

Иван, на короткое время принял сидячее положение, резко приподнял её тело и поставил Надю на четвереньки. На сей раз, такой вариант устроил их обоих, изрядно подвыпивших. Его, не такой уж крупный и твёрдый фаллос, наконец-то, вполз туда, куда надо. Даже не вполз, а упал в бездну, будто матрос пенсионного возраста, за борт большого корабля.

А фарфоровый робот, наблюдая за всем происходящим, вошёл в творческий экстаз. Одновременно имитируя голос Снегирёва и музыку, он гремел и орал на многие десятки километров:

– Взбудоражена округа.
Мы, нагие, будто в бане.
Мы не можем друг без друга
В злом безжизненном тумане!

А с нами другим
В небеса уходить.
Нам скучно одним –
Давайте дружить!

У меня – подружек сотня,
У тебя друзей хватает.
Пусть и завтра, и сегодня
Смерть по улицам гуляет.

Не плачь, не скули!
Сгорать – так сгорать!
За нами пришли,
Пора умирать.

Завершилась эта песня, и тут же загремели аккорды новой. Тут же неизвестно откуда появилась большая группа бородатых и усатых парней русалов в одеждах бурого и серого цветов с дубинками в руках и острыми камнями. Зеленокожие и зеленоволосые, ластоногие мужики и парни были настроены решительно.

– Долбанные кайфоломщики, – Снегирёв почти резво вскочил на ноги. – Так и не дали закончить.

Девушки-русалки, не сговариваясь, мгновенно бросились в густые придорожные кусты. Там они были в относительной безопасности. А через мгновение началась жестокая драка, в

буквальном смысле слова, не на жизнь, а на смерть. Вход шло всё: не только камни и дубинки, но и электрогитары и стеклянные бутылки. Дрались жестоко и безмолвно, били друг друга неторопливо, но наверняка, будто пили чай и никуда не торопились.

По дороге мчалась легковая машина. Это был транспорт без колёс. Вместо них, как, в основном, на всём существующем в той стране и мире, сплошная подушка из плотного и жёсткого материала, напоминающего резину. Движение такого автомобиля напоминало небольшие прыжки. Как только корпус такой машины, парящий в сантиметрах пятнадцати-двадцати над дорожным покрытием, даже незначительно соприкасался с ним, машину поднимало вверх. Но езда на таком «попрыгунчике» была относительно комфортной и безопасной. Подобного рода автомобиль мог передвигаться по воде и даже по воздуху, стоило только выпустить из левой и правой стороны корпуса небольшие крылья из лёгкого металла.

В этом «попрыгунчике» сидели двое молодых людей – бородатый и не так давно воскресший, вернувшийся с того света, Михаил Гиров и рядом с ним, за рулём, слегка лысеющий Родион Платонов.

– Не жалеешь, Родька, что тебя из Верховной школы врачевания и знахарства выперли? – Спросил Гиров. – Без серьёзного диплома коротаешь.

– Миша, – засмеялся Платонов, чему меня могут научить идиоты, которые геморрой не в состоянии отличить от ангины? А я – при деле. Сам знаешь. Сторожу по очереди один давно заброшенный и почти забытый строительный объект. Да и есть у меня обычный диплом врача. Этого, вполне, достаточно.

Он с иронией заметил, что не знает, что там когда-нибудь будет – или космодром, или хранилище овощей. Да будет ли? Всё в стране разрушено, разграблено, прибрано к рукам.

Далее Гиров решил беседу не продолжать. Мягко шёл их «попрыгунчик», набирая скорость. Такая машина не имела колёс, двигалась своеобразными прыжками, периодически поднимаясь над дорожным покрытием на десять-пятнадцать сантиметров. Михаил вспомнил, как он, врач и слушатель Верховной школы врачевания и знахарства в споре с проректором, начальником учебного центра получил инфаркт миокарда. Полемика была серьёзной. Этот начальник считал, что людей и подобных тварей лечить от сердечнососудистых заболеваний не стоит. Но почему?

Аргументы высокопоставленного должностного лица были нелепыми и дикими. Он считал, причём, абсолютно серьёзно, что смерть от любой болезни сердца есть справедливое возмездие больному за его скверный и злой характер. Авторитетные врачи, знахари, маги, экстрасенсы, жрецы от медицины с их туманным мышлением придерживались, в основном, такого же мнения.

Некоторые из них пошли даже дальше в своих убеждениях, чем начальник учебного цикла Верховной школы врачевания и знахарства. Жрецы, которые, конечно же, имели и медицинское образование, считали, что практически умирающих не стоит стараться удерживать на этом свете. Здесь уже речь шла не только о болезнях сердца. Обо всех недугах.

Странная и оригинальная логика таких вот новаторов такова: если человек выживет, то хорошо, а нет, то просто... замечательно. По их мнению, приводить в порядок следует организм того больного, который не находится на смертном одре. Так проще, лучше, дешевле и справедливей по отношению к тем, чей организм способен бороться с недугом самостоятельно. Практически, без вмешательства врачей и знахарей. Но другого, более бережного отношения к себе требовали олигархи, разграбившие страну и её народ; депутаты разных уровней, чиновники и другого рода и вида воры и грабители. В данном случае необходимо было делать всё, чтобы вылечить любого негодяя. А так называемые простые люди не подпадали по негласные законы для... избранных и особенных.

Вот Гиров и доказывал этому недалёкому господину и его окружению, начальнику учебного центра, мутанту с четырьмя ногами Климу Ерастовичу Падкову, что это несправедливо по отношению, вообще, ко всему живому. Но перенервничал Гиров и получил... инфаркт.

Смешно, он, здоровый физически, мастер рукопашного боя, врач широко профиля и ассистент-преподаватель, прекрасно знающий, что к чему... и вот его сердце не выдержало. Слишком многое брало на себя. Произошёл... обширный инфаркт.

Страна погибала физически и морально, потому что управлять ей на самых высоких и низовых уровнях стали некомпетентные существа, думающие лишь о собственном благополучии, о своих родных, близких, добрых знакомых. Основная беда заключалась ещё и в том, что по лотерейному билету президентом государства стал человек, который нигде никогда не учился и не работал.

Почему так произошло? По простой и естественной причине. Лет сто тому назад добродохоты, грабители и бандиты всех мастей объявили Россию страной равных возможностей и центром мировой демократии. Вот по этой причине все главные государственные и прочие должности разыгрывались с помощью лотереи. Теневому правительству такими начальниками и чиновниками проще было руководить, внушая, что все важные решения они выносят самостоятельно.

Так вот праздно живущий и строящий из себя святого, сорокалетний бездомный и босоногий олух, найдя такой вот специальный лотерейный билет на улице, стал президентом. Кандидатура Кондрата Кондратовича Друмбы устроила тех, кто просто потешался над народными массами, творя свои чёрные и мерзкие дела.

Очень многие из друзей и просто знакомых Гирова считали, что Михаил ушёл от смерти буквально чудом. Ведь по всем расчётам и признакам должен был отправиться на тот свет. Но их товарищ оказался не просто живучим субъектом, но и вернулся из клинической смерти особенным человеком. Стал обладать необычными способностями, одним – на радость, другим – на беду. Многим стало ясно, что Гирову открылась нечто тайное и великое.

От мыслей и невесёлых воспоминаний Гирова отвлек его друг. Внимательно следя за дорогой, Платонов сказал:

– Дорогой Михаил Семёнович, мне опять позарез нужны деньги. Ты же знаешь, зачем. Тебя про меня всё известно. Ты уже не один раз меня выручал.

– Догадываюсь, что и к чему, Родион.

Но вдруг на лице друга Платонов прочитал волнение.

– Смотри, Родион! – Громко сказал Гиров. – Смертная бойня идёт у дороги, на поляне!

– Даю задний ход!

– Не горячись, Родя! Я же можешь одним взглядом, жестом, окриком остановить их.

– Да. После своего инфаркта ты стал великим магом и волшебником.

Метрах в пятнадцати от дерущихся притормозила их машина, у самой обочины.

– Боюсь, что не смогу их остановить. В момент массового мордобития, всеобщей агонии, – пояснил Гиров, – мой приказ до кого-нибудь и не дойдёт.

– Согласен.

– Да и пока я сосредоточусь на всех сразу, нас с тобой, Родя, могут на тот свет отправить.

– Верно. Думать некогда, – Платонов заглушил двигатель автомобиля. – Значит, как всегда, спиной к спине? Вперёд!

– Вперёд! Захлопни дверцу машины и следуй за мной!

Родион ничему не удивлялся и даже тому, что его друг Гиров, который не так давно чуть не отдал концы, бросился останавливать драчунов, стал более решительным. Характер его изменился. Скорей всего, раньше он просто бы не обратил на обычную придорожную бойню никакого внимания. Ведь такие и прочие развлечения давно в стране стали нормой.

Два друга, Гиров и Платонов, вбежали в кровавый круг дерущихся. Несколько людей и русалов уже валялись в траве, кто – корчась от боли, а кто – уже безмолвно, без движения. Голые девицы с чешуйчатой кожей сине-зелёного цвета сидели у потухшего костра и равнодушно наблюдали за побоищем.

Довольно не плохо Гиров и Платонов владели секретами рукопашного боя. Набор их приёмов составлял своеобразное и рациональное «ассорти» из самых необычных, неожиданных и полезных движений тела. Во время сражения они приносили ощутимую пользу.

Сейчас со стороны могло показаться, что двое изрядно подвыпивших мужиков исполняют какой-то смешной ритуальный танец с прыжками, кувырками на траве и горизонтальными полётами их тел. Но, тем не менее, буквально через несколько минут они уложили, успокоили всех сопротивляющихся.

– Пока настоятельно рекомендую никому не подниматься и не шевелиться, – властно приказал побеждённым хулиганам Гиров, – великовозрастные молокососы! Твоих распутных девок не поделили! Шпана!

– Вы откуда появились, мужчины? – Спросила у Гирова и Платонова русалка Осо, оценивающе разглядывая их. – Вы хоть и постарше наших ухажёров, но очень ретивые и... нормальные!

– Считай, что мы появились из ниоткуда, – ответил Платонов, – и уйдём в никуда. А ты бы прикрыла свои сине-зелёные прелести. А то ведь у вас, девочки, могут появиться и неприятности. Здесь частенько курсируют на своих чёрных автомобилях сотрудники из Полиции Нравов.

– Мы по рождению русалки, – Осо неторопливо набросила на свои плечи чью-то куртку. – Нам просто не пристало носить одежду.

– Так и сидите у себя в озёрах, реках и болотах, – порекомендовал Платонов. – Нечисть!

Ещё Родион заметил, что не очень хорошо заниматься придорожным развратом, который приводит к таким вот жестоким дракам. После них многие тысячи юнцов остаются калекками, а то и, вообще, лишаются жизни.

Лежащие на траве парни и молодые русалы не шевелились и не подавали голосов, понимая, что лишнее рвение может им дорого обойтись. Поняли, с кем имеют дело. Эти два мужика шутить не намерены.

Русалки с большой неохотой и медленно, как в заштатном сельском стриптиз клубе начали надевать на свои тела плавки, лифчики и всё остальное.

– А вы, мужики – ни-че-го! – Засмеялась русалка Ене, теребя сине-чёрные соски своих грудей. – Я лично отдалась вам, обоим сразу.

– Молчи, дура! – Оборвала её третья, Улу. – Это ты нас притащила сюда к этим соплякам! Да ведь они просто люди, а не русалы. А теперь тут чёрти что получилось. Теперь меня мой русал Анешич замуж может не взять.

– Если выживет, то возьмёт, – заверила подругу Ене. – Он сейчас тише воды, ниже травы. Валяться, как кусок верблюжьего помёта, среди большой побитой компании. Твой Анешич, как все, теперь безмолвен и тих.

– Заткнитесь обе! Мне противны даже разговоры о вашем малохольном Анешиче! Все нормальные Русалы и люди занимаются делом, – сказала Оса, – а ваш Анешич находится среди придорожных отбросов. Наверное, уже подох. Посмотрите, совсем не шевелиться!

– А ты разве не придорожная подстилка, Осо? Или считаешь, что ты – сама невинность? – Возмутилась Улу. – Ты уже никогда не отойдёшь от обочины этой дороги! Здесь вся твоя дешёвая и мерзкая жизнь, до самой смерти!

Визуально осматривая всех лежащих на земле, Гиров прикрикнул на русалок. А Платонов, прощупывая пульс одного из лежащих на траве, строго рекомендовал девушкам немедленно убираться отсюда.

– Бабы! – Осенило Улу. – Это же копы из Полиции Нравов! – Если мы не слиняем отсюда, то они нас повяжут, а потом надолго закроют в клетках или запросто отправят на тот свет.

– Не исключено, – подтвердил Платонов. – Вам на Земле, тем более, в России делать нечего. Тут и без вас везде проблема на проблеме и проблемой погоняет.

Больше ничего говорить русалки ничего не стали. Они очень быстро встали, подобрали с земли свои сумочки и направились в чащу придорожного леса.

– Боже мой, – сказал им вслед Платонов! – Но каждому своё! Здесь с этим крылатым выражением не поспоришь. Впрочем, нет!

Гиров пристально посмотрев им вслед, заставил из взглядом вернуться назад.

Девушки, не понимая, какая сила заставляет их делать то, что они не желают, встали перед Михаилом.

Подняв руку вверх и глядя на девушек в упор, Михаил произнёс бесстрастным и суровым голосом:

– Отныне и навсегда вы станете самыми скромными и порядочными девушками среди своих знакомых. Вы забудете, что такое блуд. С вас начнут брать пример очень и очень многие. Будет так! Теперь идите!

Русалки снова сошли с дороги и продолжили свой путь. Озабочено Михаил и Родион смотрели на лежащих хулиганов. Некоторые из них начинали помаленьку шевелиться и стонать.

– Кто в состоянии встать на ноги или, хотя бы, на четвереньки, – объявил Гиров, – подходите к нам! Очень надеюсь, что у вас очень мирные намерения.

В крови, с разбитыми лицами, прихрамывая и держась за бока, к ним побрели недавние крутые драчуны. Не поднялся на ноги только один – Иван Снегирёв. Гиров подошёл к нему, с сожалением посмотрел на застывающее тело погибшего. Если бы Гиров и Платонов подъехали к этому месту чуть позже, то трупов было бы гораздо больше. Может быть, добрая половина из тех, кто остался в живых, стала мертвецами.

Опустив головы вниз, хулиганы молчаливо ощупывали свои тела. Что говорить, досталось им от Платонова и Гирова крепко. Каждого из них Родион осматривал внимательно. Ощупывал руками.

– Нормально! Сойдёт. Перелома нет, – говорил он высокорослому русалу. – Следующий! А ты, дружок, мог бы остаться без глаза. Хорошо, что мы вовремя к вам подъехали. Мы били вас грамотно, не уродуя. Смерть и отключение – две разные вещи. Следующий! А тебе два новых зуба придётся выращивать или вставлять. Как получится. Да у тебя и остальные совсем гнилые. Давай, следующий!

Когда Платонов закончил осмотр, Гиров сказал:

– Запомните! Вы все никогда больше, никто из вас, ни на кого не поднимет руку. Будет только так, как я решил, как вы сейчас решили и сами!

Некоторые из многочисленной побитой компании улыбалось. Они ещё до конца не верили, что с ними произошли разительные перемены. И напрасно! Сила моментального гипноза и внушения неотвратима. Главное, чтобы она служила всем живущим только во благо.

– Всё хорошо, все вы – друзья, вам весело! – Продолжи Гиров. – Не чувствуете боли. Раны пустяковые. Повторяю! Очень скоро они заживут. Местные ребята русалы, попрощайтесь со своими друзьями из города! Идите все по своим домам!

Потом Михаил внушал недавним противникам, что очень скоро они забудут о том, что здесь произошло. Впрочем, они уже бывшие враги уже находились в приподнятом настроении. Даже знакомились друг с другом. О том, что совсем недавно здесь произошло, они не помнили.

Городские парни прятали свои вещи, разбросанные по поляне. Русалы помогали им собраться. На мёртвого Ивана Снегирёва никто не обращал внимания, словно его никогда не было... вообще.

– Видать, друзья, мы крепко выпили, – предположил один из парней. – Не помним даже, что уже знакомились друг с другом. Полный провал памяти.

– Вы ничего спиртного не пили, – возразил Гиров. – Вы здесь никогда не были. Городские пусть идут на остановку пассажирского автотранспорта, а русалы – к себе, в свою водную или лесную среду! Запомните! Вы здесь никогда не были!

– Да, не были, – сказал низкорослый, совсем юный русал. – Но когда-нибудь побываем.

– Ничего здесь хорошего нет, – заметил Платонов. – Вполне, можно проводить время с друзьями в других местах. Россия велика. Есть, где отвести душу и порадовать сердце.

Уходя прочь от придорожной поляны, никто из них даже не обратил внимания на то, что один из них так и не поднялся на ноги. Они ничего не помнили, не знали и не желали знать. Просто уходили, радовались солнцу и не такой уж и жаркой по земным меркам погоде.

– Так будет лучше, – заметил Гиров и тут же спросил у друга. – Ты думаешь, Родька, что тот парень мёртвый?

– Что тут думать, Миша. Разглядывать его труп некогда. Возьмём его с собой, потом разберёмся. Может быть, я его оживлю.

Они загрузили тело Снегирёва на заднее сидение «попрыгунчика».

Родион пощупал ещё раз его пульс, покачал головой.

– Чёрт его знает! Вроде, частично жив, – сказал Платонов. – Я думаю, очухается. У юноши явное сотрясение головного мозга, если таковой имеется. По башне ему хорошо досталось. Может быть, и мы с тобой постарались... частично.

– Сотрясение чепуха, Родион Тихонович! Вылечим за секунду, – засмеялся Гиров, почёсывая свою густую чёрную бороду. – Я пошепчу – и парень будет, как новый.

Очень подробно Гиров начал рассказывать другу о том, что всем драчунам он выдал целенаправленный заряд выздоровления. Ведь у человеческого организма огромные возможности, которые он использует в обыденной жизни, всего лишь, на один-два процента. Тем, кому удаётся довести обновление своего физического и духовного состояния до пяти-шести, считается практически гением, и не без основания.

– Силу слова своего знаю, – заверил Михаил. – После того, как чего-то я очень сильно пожелаю, то всё свершится не на пять-шесть процентов, а на сто.

– Все существа на Земле мыслящие, даже какой-нибудь жучок или паучок, – заметил Платонов. – Каждое – личность. Бесспорно. Но тебя, Миша, опять понесло по кочкам. От скромности ты не умрёшь. Хотя не отрицаю, ты – молоток! Ценный кадр.

– Мне реклама не нужна, Родька. Просто я очень хочу, чтобы хорошие люди жили хорошо, а негодяи получали по заслугам. Вот и вся моя философия.

Разумеется, Платонов с ним спорить не стал. Ведь, в принципе, его друг прав.

Они уже собрались сесть в машину, как увидели на обочине дороги долговязого старика, обросшего не то густыми зелёными водорослями, не то шерстью. Смешной дед. Вместо волос на голове, усов и бороды имел точно такую же растительность. Увидев их странного вида незнакомец, дал знак рукой, чтобы они не спешили уезжать.

– Приветствуем тебя, отец! – Сказал Платонов. – Кто ты и чего тебе нужно от нас?

– Мы готовы тебя выслушать, почтенный! – Подал голос и Гиров. – Задавай свои вопросы. Но сначала сообщи нам что-то и о себе.

– Я смотритель и хранитель здешней реки, – ответил старик, – по вашим человеческим представлениям и понятиям, водяной. Зовут меня Съва, и я против того, чтобы вы вмешивались в те события, которые должны происходить сами собой. Смешна и нелепа ваша мнимая святость на основе, как вам кажется, благих побуждений, поступков и действий.

– Разве, почтенный Съва ты появился на свет с той целью, чтобы давать посторонним людям советы, – сурово сказал Платонов, – в которых они не нуждаются?

– Ты бы хотел, Съва, чтобы молодые люди и русалы уничтожали друг друга или попали под суд, в данном случае, под расстрел или на переделку? – Спросил у старика Гиров. – Других наказаний за содеянное здесь пока нет.

– Каждое мыслящее существо должно пройти через свой круг испытаний, и этому не будет конца, – продолжал спорить с ними Съва. – А вмешательство в происходящее – и смех, и грех.

– Вот, что, господин водяной Съва, дающий назойливые советы, – категорично сказал Гиров, – лично я живу на этой Земле, в России, чтобы совершать добрые и полезные поступки. Я чувствую это. Меня на это благословили Высшие Силы. Если бы всё происходило иначе, то и я был бы другим. Я эти чувствую.

– А между тем, Михаил, – заметил водяной, – ты и твой друг, Родион, совершаете зло. Но вам и невдомёк.

– Ты даже наши имена знаешь, Съва! Ты не простой старик, а чародей, – сказал Родион. – Но если я что-то и делаю, то возвращаю умершее к жизни. Что ж в этом плохого?

– Ты не бог и не дьявол, – стоял на своём Съва, – ты – человек, всего лишь, и в предыдущей жизни таким был. Скорее, ты – подобие человека, обычный элементал. Не особо добрым и справедливым тебя в предыдущей жизни никто не считал. Ни счастья, ни богатства ты не знал. Да и тебе оно ни к чему. Но это к слову.

– Я всегда был и останусь человеком! – Рассердился Михаил, – А ты вот, Съва, как раз элементал и есть. Даже демон. Только вот, почему, то не с крыльями, а двуногий? А ведь чувствую, что был ты в минувшей жизни в стране, тоже в России, но совсем в другой мультимиллионером, чёрным финансистом. Ты являлся вором и самым настоящим палачом! Тебе ли нас учить?

– Мне! – Твёрдо сказал старик. – Кто я и что, мне ведомо. Но вот ты, как раз, Гиров, точнее, вселившийся в брошенное тело, есть великий злодей. Ты не простой элементал, а кровавый. Нельзя изменить то, что невозможно переделать.

– Тебе ли, страшная суть, – сказал старику Съва Михал, – спорить с Богом? Я такой, каким он меня создал. Я – нормальный человек, и мне только в кошмарных снах видится, что я убийца и злодей. Всего лишь, видения.

Водяной не сомневался в том, что существо с чёрной душой не может встать на тропу добра. Съва наставительно посоветовал Гирову и сейчас жить просто, не задумываясь, не надеясь на свои добрые намерения и великие способности и возможности. Получалось, что перемен к лучшему не предвидится.

Понятно, что Михаил не желал признавать, что он элементал, живущий в чужом теле. Да ведь если бы это было так, то он, наверное, помнил и знал об этом.

– Если бы я был мощным и злым духом, то не вселился бы в другое тело, – возразил Гиров. – Наверное, я просто парил бы в небе, как птица.

– Не всё дано тебе знать и уметь, и даже помнить, – сказал водяной и растворился в воздухе и крикнул из ниоткуда. – Не переусердствуй!

– Не старик, а чертовщина какая-то! – Засмеялся Платонов. – Мне показалось, что говорит совсем не то, что думает. Это какое-то злое существо, ряженное, под маской. Не обращай внимания на этот бред, Миша! Поехали!

Они сели в «попрыгунчик» и продолжили путь. Платонов, как обычно, вёл машину.

По дороге Иван Снегирёв пришёл в себя.

– Ой, голова моя! – Застонал он. – Куда вы меня везёте, президентские шкуры? На расстрел? Не получится! Я – Снегирёв! Вам понятно? За меня есть, кому заступиться. У вас неприятности будут.

– Лежи, пацан с птичьей фамилией! – Миролюбиво осадил его Платонов. – Мы считали, что ты уже дохлый. Везём тебя на городскую свалку.

– При первой же остановке, – сообщил ему Гиров, – мы посмотрим, что у тебя с твоей дурной головой. Перепил, наверное, мальчик. По крайней мере, череп расцарапан только сверху.

– Гады, повторил Снегирёв, – давайте по-честному! По полному... честнаку! Куда вы меня везёте?

– Если не заткнёшь свою пасть, – пригрозил хулигану Родион, – мы выбросим тебя, где-нибудь, у обочины дороги. Кому ты нужен, Снегирев, со своей алкогольной натурой и дохлыми претензиями на какие-то привилегии!

– Я поэт! Я философ и борец за истинную свободу и демократию! – Закричал Снегирёв. – Я среди тех, кто борется в России за нормальные человеческие права! Я – Иван Аркадьевич Снегирёв! Ты чего на меня пялишься, бородатый?

– Мне так нравится. А ты – никто, мальчик, – заметил Михаил, – и зовут тебя Никак. Государство, аппарат подавления и узаконенного разбоя, сметёт тебя, как лавину мусора с большой дороги. Ты поверил, мелкий пёсик, что слон тебе позволил твякать на него? У него своё понятие о демократии, и он в борьбе за свои личные права не оставит от того, что существует веками, камня на камне. А ты, всего лишь, мелкая подстава, коих сейчас тысячи. Бараны – на закланье! Есть предположение, что тебя используют втёмную, возможно, и купили с потрохами.

– Смотри-ка, блюститель порядка, а тоже философ, – простонал Снегирёв. – Как же у меня болит голова!

– Если ты, Снегирёв, не побоишься себе сказать – «я дерьмо», значит, возможно, и станешь человеком, – подал голос Платонов, сидящий за рулём. – А гуманистов и президентских шкур, как ты выразился, ищи в другом обществе! Мы – ни те, и не другие.

– Я – дерьмо, – тихо сказал Снегирёв, – я об этом знаю. Но я поэт и борец за свободу российского народа!

Он начал говорить, что его мысли и стихи помнят наизусть миллионы пользователей, Интернета, могучих и непобедимых социальных сетей.

Они сделали небольшую остановку. Платонов, а потом и Гиров внимательно осмотрели голову Снегирёва. Михаил сделал несколько движений ладонями вокруг черепа Ивана – сверху вниз, как и положено. Так ведь снимают потоки негативных волн и явлений экстрасенсы и колдуны, да и заштатные гипнотизёры. Опускают энергией собственных ладоней «болезнетворные волны» пациента и прочий негатив к земле. Она примет и преобразует всё. Как всегда.

Ещё Иван Снегирёв сказал, что он плевать хотел на всяких разных лауреатов, которые награждают премиями друг друга. Ему на них даже больше, чем плевать. Они не умеют и двух слов связать и забыли, что такое русский язык. Ведь уже устойчивой стала горбатая фраза – «прогибаться под кого-то». Блажь! Искажение русского языка, перемешанное со штампами и лозунгами такого же уровня. Прогибаться нельзя под кого-то, а только – «перед кем-то». Говори, чёрт возьми, матами, на сленге, но только не штампами и по-русски.

– Тут ты, конечно, Ваня, прав, – согласился с ним Платонов. – Министр культуры в России есть, а вот сама культура начисто отсутствует. Но яркими её представителями стали... Одним словом, хлам какой-то. Полный отстой!

– Да, – поддержал друга Гиров, – не телеэкране сплошь дебилы, тупые и самодовольные рожи. При этом они что-то ещё и говорят и любят свой голосом. Чёртов процесс флотации! Плывущие и говорящие испражнения! Страшная сказка, ставшая явью. Когда всё это закончится?

Снегирёв, прикрыв глаза, прочитал наизусть стихотворную строфу:

– Зажигаю свечу, и на пламя огня

Прилетает ночной мотылёк.

Он долгие вёрсты летел сюда
Для того, чтобы просто сгореть.

Чтобы произвести на слушателей большее впечатление, Снегирёв приподнялся с места, стараясь посмотреть в глаза хоть одному из друзей. Так до них быстрее дойдёт «глубина образа».

– Мысль не новая. Это что-то из самой древней поэзии, – засмеялся Платонов. – Или я ошибаюсь?

– Чёрта с два! – Запротестовал Снегирёв. – Это моё стихотворение! Понял? Это моё... и никакому проходимцу и современному классику я её не отдам! Пусть пишет... сам. А если он подох, то пусть и там мои мысли не выдаёт за свои.

Платонов жестом руки дал знать Снегирёву, чтобы тот лежал или сидел спокойно. Иван, махнув рукой, подчинился.

«Попрыгунчик» передвигался по ответвлению дороги, пролегающей через небольшое поселение, каких многие тысячи в средней полосе России, с магазином, общеобразовательной школой, с домом встреч и расставаний, где были установлены даже игровые автоматы... Не простые, а с объёмным цветным изображением, звуком, запахами, Одним словом, всё почти, как в большом городе.

– Ваня, – спросил Гиров у Снегирёва, – голова не болит? Помогли мои заклинания?

– Да, помогли, – Снегирёв повеселел, широко улыбался, поправляя на голове повязку. – Я никогда бы в такое не поверил. Ты кто? Колдун?

– Я-то ладно. А вот мой друг, Родион Платонов, врач и целитель высочайшего уровня, – сказал Гиров. – Если бы ты умер, то он тебя бы оживил. Элементарно! Он в недавнем времени – ученик Верховной школы врачей-терапевтов и знахарей. Правда, его оттуда выперли, потому что он умней всех этих академиков и профессоров.

– Мне реклама, Миша, не нужна. Всё так, я умею и знаю больше, чем другие, – ответил Платонов. – А ты, Гиров, вообще, не человек, а джин. Ты – великая тайна для человечества.

Больше Платонов и Гиров ничего не стали говорить. Зачем? Рисоваться перед пацаном, придорожным хулиганом, какие они хорошие и особенные? Смешно.

С Гировым было всё ясно. Экстрасенс высокого уровня, человек особенных, феноменальных способностей, которые пришли к нему, после того, как, фактически, вернулся с того света. Да ведь и не он вернулся, а тот... из далеко мира, по кличке, Георгин, а по-человечески – Георгий Арсеньевич Пирогов. Но что касается Платонова, то ему до многого приходилось доходить своим умом, не особо рассчитывая на помощь и вмешательство Внешних сил. Впрочем, не совсем так. Ничего ведь невозможно совершить, если нет поддержки со стороны тех, кто стоит над Человечеством и бесконечным множеством других цивилизаций всякого рода и вида гуманоидов.

Как бы там ни было, Родион Тихонович Платонов был непризнанным, но специалистом по преобразованию живой и условно мёртвой материи во что и в кого угодно. Вероятно, есть такая «волшебная палочка», с помощью которой можно не только руководить сложнейшими ядерными реакциями, но и всеми текущими процессами. Было бы желание и, разумеется, умение. Оно достигается с помощью ежедневной кропотливой работы. Изменять и обновлять атомарную и молекулярную структуру предмета сложно, но, вполне, можно.

– Мне очень приятно, что я в курсе всего того, что ты делаешь, Родион, – признался Гиров. – Благодаря тебе я знаю и умею гораздо больше, чем все остальные. Я теперь уверен в том, что в Мироздании может существовать буквально всё, что возможно представить разумом. К примеру, подземная авиация.

– На вид, вроде, умные мужики, – заметил Снегирёв, – а несёте какой-то бред. Если вам нужна слава, то я могу поделиться ей с вами. Меня знают все!

– Блеф! – Возразил Платонов. – Ты просто юный шизофреник, Ваня! Почему тебя должны все знать? Ты что... двуногое солнце?

– Что-то около этого, – на полном серьёзе согласился с таким диковатым предположением Снегирёв, – я – солнце!

Их «попрыгунчик» остановился на сельской улице перед небольшим деревянным домиком.

– Приехали, – Платонов выключил двигатель машины, поставив её на ручник, – выходим! Тебя это, Ваня, не касается. Ты сиди в автомобиле и не высовывайся!

– Можешь даже вздремнуть или перекусить, – сказал Гиров. – Там у тебя под ногами стоит сумка. В ней – кое-какая еда. Тебе понравится. Или просто посиди и поскучай!

Оставив Снегирёва, они направились к скамейке перед небольшим домиком. На ней сидел и грелся под лучами солнца крепкий сухопарый старик с двумя головами. На нём не так уж и плохо сидел изрядно поношенный костюм, смотрелись и рваная рубаха, и стоптанные башмаки. С виду, самый настоящий сельский нищий.

Все его четыре глаза надменно разглядывали непрошенных гостей. В зрачках явно читалась злоба, надменность и неприязнь ко всему существующему.

– Доброе утро, папаша! – Поприветствовал его Гиров. – Худо живётся пенсионерам в России?

– Худо и мерзко, – ответил старик. – Что пенсия? Она – полное издевательство над пожилым человеком. Так с кокосового молока на сухие бананы и перебиваюсь.

– Не прибедняйтесь, Виктор Агафонович, – поставил двухголового старика на место Платонов, – у вас ведь очень... персональная пенсия. Далек не каждый работяга столько получает от государства. Партия, так называемой, справедливости заботится о своих... псах!

Старик встал с места, собираясь уйти в свой небольшой дом.

– Недосуг мне с вами разговаривать, – проговорил старик «хором», сразу двумя своими ртами. – Не имею чести вас знать и не желаю! Меня не интересуют те, кто живёт, как может, всякие лентяи и алкаши! Если вы отсюда не уберётесь, я вызову охрану!

– Ну-ка, старый хрен Моблов, громко и отчётливо приглашай нас в свой дом! – Приказал старику Гиров. – Делай это громко, чтобы все соседи слышали. Произноси эти слова с любовью и приветливо! Говори!

– Попрошу в мой дом, гости дорогие! – Заорал старик, выпучив от удивления все свои четыре глаза и мотая головами. – Гостям мы рады всегда!

Всё это он делал помимо собственной воли. Виктор Агафонович пытался взять себя в руки, но у него ничего не получалось. Бесперемонно Платонов и Гиров вошли в небольшой дворик, а потом и в дом. Они сразу же обратили внимание на то, что обстановка в его, почти что, лачуге была убогой. Две ветхие комнатки, десятки лет не знавшие ремонта, со старыми сундуками, железная кровать в передней, две старые табуретки и шатающийся стул. Имелась, правда, ещё и лавка.

Одним словом, почти ничего, если не считать ещё допотопного показывающего телевизионного устройства, проще говоря, телевизора, который стоял, где-то, в самом углу горницы. Гиров и Платонов сели на лавку без приглашения. Старик занял одну из табуреток.

– Чем обязан? – пролепетал он. – Имейте в виду, что вашу машину уже заметили строгие и принципиальные люди. Прямо сейчас.

– Не слишком богато живёте, Виктор Агафонович, – не обращая внимания на его угрозы, сказал Платонов. – Вся жизнь на партийной и, как бы, на государственной работе, а в доме ничего нет. Да и самого дома, считай, тоже. Как же так, уважаемый? Что за несправедливость? Почему такое происходит?

– Это не главное, – глаза старика лукаво заблестели, – зато я знал самого Бо...

– И помогали ему воровать и таким, как он, обирать страну и её народ? Лично и вы грабили честных и порядочных людей! Снимали с нищих последние рубашки! Кроме незаконной олигархии, старались ещё и чиновники, процветающие на поборах. Да и, практически, на убийствах, как вы говорите, простых людей. Так? – Перебил Гиров двуглавого старика. – Конечно же, быть у воды и не замочиться – сложно для таких, как вы.

– Не надо! – Возмутился Виктор Агафонович. – Я вступил в Партию Справедливости не по лотерейному билету. Я в ней почти с детских лет, и для меня существует в мире все две национальности: русский и нерусский. Я патриот своей страны!

– Если бы это было так, – сказал Платонов, – то ваша правящая и коррумпированная орава не уничтожала бы сотни тысяч людей самых разных национальностей и, главным образом, русских. Ты – полный отстой! Ты – протухающий мусор на кухне у нерасторопной хозяйки! Его надо вовремя выносить на... помойку.

Конечно, Платонову было, что ещё сказать двуглавному старику, изображающего из себя нищего и обиженного. Но Родион не стал вступать в дискуссии, в ничемную полемику с великим грешником и государственным преступником, обласканным сворой внутренних интервентов и оккупантов, объявивших себя государством. И не только таковым, но владельцами всего того, что принадлежит российскому народу.

Когда Родион был ещё маленьким мальчиком, зрители из Партии Справедливости ворвались в дом, где он жил со своими родителями, и убили его отца, мать и двух его старших сестёр. Палачи лишили жизни ни в чём не повинных людей только потому, что на них в специальные органы написали донос добрые и всегда улыбчивые соседи.

В клеветнической бумаге было указано, что мать, отец и сёстры Родиона читали запрещённую художественную литературу, что-то очень глупое, наивное и бездарное о... справедливости. Да когда же им было что-то читать? Задача перед всеми стояла только одна – только выжить, заработать немного денег на самую дешёвую еду. Об одежде речи не было. В России для «простых» людей не имелось почти никакой работы. Только временная подёнщина за мелкие монеты.

Не одни они пострадали в те давние годы. Причём, ни за что, а по доносам, за какую-то литературную муру, наспех состряпанную явными агентами самых разных специальных служб, истекающей кровью России. А его-то родители и сёстры, безработные, когда-то трудились на частной фабрике искусственных тканей, пока предприятие не закрылось. Владелец её с миллиардами заокеанских долларов преспокойно уехал в Австралию. Оттуда всячески в средствах массовой информации тех господ из правительства, которые дали ему возможность внезапно и круто разбогатеть за счёт безработных людей, обливал грязью «ленивый», «пьяный», «глупый», «дикий» российский народ. Жаль, что не нашлось доброго молодца, который бы пусть не мечом, а с помощью точного удара обычным кирпичом по черепу мерзкой сволочи отправил бы её в один из тёмных миров, к чертям, то есть к своим.

Спасибо порядочным людям, не пишущим доносы. Они спасли Родиона, который был тогда младенцем. Не просто спасли, но приютили, выкормили, воспитали и даже умудрились дать ему кое-какое образование. Правда, потом и они стали жертвами гнусных доносов. Ведь если на добрую сотню честных и добрых людей, найдётся одна-две двуногих скотины, то этого достаточно, чтобы жизнь для очень многих стала кошмарным адом.

История жизни Гирова тоже была довольно страшной. Его родителей и уже взрослую сестру при помощи волнового преобразователя сотрудники Службы Безопасности прямо на глазах мальчика превратили в диких гусей. На волю их не выпустили, а просто... сожрали. Подали на стол в запеченном виде каким-то пузатым гурманам, вроде бы, финансистам. Так распорядился поступить глава их Большого Города, Василий Васильевич Муров. Ему просто

показалось, что семейство Гировых принципиально не включает телевизор, когда к народу обращается президент страны.

Но ведь малохолдная рожа «первого» человека России Кондрата Кондратовича Друмбы, ставшего президентом по лотерейному билету, почти постоянно торчала на телеэкране. Он никогда не отвечал ни на какие, даже самые простейшие, вопросы. Отшучивался, рассказывал прибаутки, анекдоты и гордился своим политическим рейтингом. Мелкий бес, жирующий на крови людской, на службе палачей, грабителей и воров

А мэр этого Большого Города Муров раньше был обычным домашним котом и припеваючи жил в шикарном особняке премьер-министра страна Абрама Сидоровича Ведева. За хорошее поведение Ведев с помощью биологического преобразователя превратил его в человека и сделал мэром Большого Города. Жуткое перевоплощение.

Тупо уставившись всеми своими четырьмя глазами на Платонова и Гирова, двуглавый Виктор Агафонович упрямо настаивал на том, что он явный патриот России

– Гнусная ложь! Патриоты такими не бывают и не могут быть! – Платонов пристально посмотрел на двуглавого старика. – Вас таких вот, Виктор Агафонович, нетитулованных бояр, стоящих из себя земных богов, десятки тысяч, а погубленных и доведённых до отчаяния людей около двух сотен миллионов! Чувствуете разницу? Это только в России. А если пересчитать всех обездоленных, бездомных, голодных, доведённых до нищеты, то получаются миллиарды.

– Ни один палач не сможет прожить в земной обители, не умирая, двадцать жизней подряд, – заметил Гиров. – Не дано. Вы превратили Россию в искривлённое пространство, и вам в нём очень даже хорошо.

– Если вам нужны деньги, – дерзко ответил старик, обращаясь к Гирову, – то совершайте налёты на частные банки! А здесь вам делать нечего! А твою рожу, бородатый, я уже где-то видел.

– Мы не нуждаемся в ваших советах, господин пенсионер особого значения! – Пояснил Платонов. – Банками и всем прочим совсем скоро займутся нормальные люди. Вы слишком долго шутите с российским народом. Напрасно, господа! Да ведь вы и за Океаном не скроетесь. Хотя, всё одно – попытаетесь, отчалите туда, в гнилушный рай, под русские ракеты.

– Нам сейчас необходимо большое количество наличных денег, – сказал Гиров. – Мы примем их от тебя, палач. Представь, что ты меценат. А малая часть того, что ты награл, пойдёт на благие дела. На пользу пока что безропотным униженным мужикам, их замызганным эмансипированным жёнам, их несчастным детям. Довольно процветать злу! Его не должно быть! Его не будет!

– Гуманисты, – ухмыльнулся старик, тряхнув одной из голов. – Ничем вам помочь не могу и предупреждаю, что о вашем визите сообщу, куда следует! Не завидую вам обоим.

– Никуда ты не сообщишь, старый двуглавый кровосос! – Не удержался от эмоций Платонов. – Таким, как ты, нечего делать в России! Место им пожизненное – в клетке! Да и на этом свете долго задерживаться не следует.

– Вот бог, господа грабители, а вот – порог! – Старик встал с места, держал себя самоуверенно. – Скоро на быстроходном «попрыгунчике» сюда подъедут мои зятья и сын. Решил старика проведать в воскресный день. Вам не позавидует даже мёртвый воробей! Они – ребята отчаянные и не последние в этой стране.

– Запомни, старая крыса, что эта страна называется Россией, – сказал Гиров, – и то, что ты у неё взял, вернёшь десятикратно. А если не успеешь вернуть, так дети твои и внуки отдадут последнее и ответят за твои фокусы. Или вам не страшен бородатый мужик с топором? А теперь слушай меня! Внимательно слушай!

Михаил направил на головы старика свой тяжёлый взгляд. Отвести свои четыре глаза в сторону Виктор Агафонович не смог. Не хватило воли и сил.

– Ты – техническая новинка, приёмник невидимых лазерных волн! – Объявил ему Гиров. – Ты – первый в мире такой приёмник!

Старик сделался серьёзным и даже собранным, действительно изображая из себя нечто такое, что, в принципе, никогда и нигде не видел. Но о старинном радиоприёмнике он имел некоторое представление, благодаря интернету. Но ему даже в головы не пришло, что лазерные волны здесь абсолютно не причём.

– Время Центрального региона России, сообщил старик, не глядя на часы, – четырнадцать часов двадцать две минуты!

– Хорошо! У тебя здесь хранится немного – семьдесят миллионов рублей? – Спросил Гиров. – Или больше?

– У меня находится в доме, – дикторским голосом ответил старик, – восемьдесят три миллиона рублей и семнадцать копеек. Золота и драгоценностей на сумму семь миллионов двести тридцать тысяч, лотерейных билетов, облигаций и банковских пластин на...

– Хватит! – Оборвал его Гиров. – Бумаги, пластины и лотерейные билеты можешь оставить себе на мороженое! Всё, что хранишь ты здесь, капля в море. У тебя в банках и вкладах в триста раз больше. Так?

– Нет, только раз в сто больше, – ответил старик. – Может быть, и эта цифра мной занижена. Скажу проще. Деньги пока есть. Не жалуюсь.

– Вот и славно! Пока живи и наслаждайся. – Приказал ему Гиров. – А сейчас ты – робот! Ты уже не радиоприёмник! Ты атомный биологический робот!

– Я робот, я робот, – Виктор Агафонович покачивался из стороны в сторону, – я – биологический робот...

– Иди, робот, к себе в огород, в подземный погребок, собери в чемоданы все свои сбережения с драгоценностями и вынеси их к нашей машине, к нашему «попрыгунчику»!

Сил у тебя для этого достаточно, ты ведь робот. Выполняй приказ!

Неуклюже покачиваясь из стороны в сторону, старик направился к входной двери. За ним следом вышли во двор Гиров и Платонов. Им только осталось ожидать в своём «попрыгунчике», когда прямо к автомашине принесёт деньги двуглавый «робот». Они отправились к машине.

Открыв погребок с искусственной системой охлаждения, старательно выполняя механические движения, старик спустился по деревянным ступеням, зажёл свет. Ярко освещала фосфорная лампа подземное помещение.

Легко отодвинув в сторону огромный пластмассовый ящик с корнеплодами, похожими на клубни картофеля, он открыл тайник. Без особого физического напряжения вытащил оттуда два увесистых куля, плотно набитый пачками денег. Развязал один из них, извлёк оттуда большую металлическую шкатулку. Посмотрел вовнутрь её. В ней блестели разного рода и вида драгоценности. Положил их обратно. Потом вытащил на свет в плотно перевязанной матерчатой сумке, свёрток. Отбросил его в сторону и завязал мешок.

– Бумаги и пластиковые карты надо оставить себе, – механическим голосом сказал Виктор Агафонович. – Оставляю!

Ящик с корнеплодами поставил на место.

С необыкновенной лёгкостью он взял в обе руки два тяжёлых куля, нагруженный ассигнациями, и направился с грузом к «попрыгунчику». Старик с лёгкостью держал мешки на вытянутых руках.

– А вы быстро вернулись, – удивился Снегирёв, обращаясь к Гирову и Платонову. – Чего вы рядом с машиной стоите? Садитесь – и поехали!

– Не спеши, Ванёк! – Сказал Платонов. Вот дедушка подошёл. Он вот нам в кулёчках гостинцы принёс – салыца да пирожков в дорогу.

Двуглавый старик поставил кули рядом с автомобилем и приготовился выполнять дальнейшие указания.

– Молодец! – Похвалил его Гиров. – Надеюсь, ты нас не обманул. Можешь быть свободным, робот!

Двуглавый старик поклялся, что здесь все деньги и драгоценности, которые имелись в доме Просто – крупных купюры, потому кажется, что их мало.

Платонов открыл багажник, а Снегирёв вышел из машины и приподнял один и кулей.

– Ничего себе тяжесть! – Выразил удивление Снегирёв. – Ничего себе пирожки!

– Я робот! – Бесстрастно произнёс двуглавый стрик. – Я – робот!

– Ты не робот, а мерзавец! – Дал чёткое определение натуре и характеру Виктора Агафоновича Михаил. – Всё это, тобой украденное тобой, мы используем на благое дело. Ты уже не робот, а негодяй. Каким был, таким и останешься!

Старик встрепенулся, и горькие густые слёзы увлажнили щёки его обеих лиц.

– Я сообщу, куда надо... или в специальные карающие органы, – прошептал старик. – Вы будете наказаны.

– Если ты кому-нибудь в своё время на хвост перца насыпал, Виктор Агафонович, то не мы, а ты можешь получить... смертную казнь, – заверил старика Родион, закрывая багажник. – Не потому, что у нас много радетелей за справедливость.

– Тебя уберут, дедушка, быстро. Возможно, до суда и следствия, – пояснил Михаил. – Свои же тебя под землю спрячут, чтобы ты не потянул за собой очень и очень многих «уважаемых» господ, плюралистов, ультра-либералов и прочий хлам. Они ничего не боятся, но замочат тебя, старичок, на всякий случай.

– Я расскажу обо всём своему сыну. Он – главный обвинитель (скорей всего, прокурор) в нашем предместье, – тяжело вздохнул старик. – Отдайте, хоть половину!

– Пошёл отсюда вон, мерзкий старик! – Резко сказал Гиров. – Ты сможешь мне вернуть моих погибших родителей и сестру? Нет? Пошёл отсюда!

Дверца машины захлопнулась почти перед самыми носами старого персонального пенсионера и бандита. «Попрыгунчик» скакнул с места. Метров двести Виктор Агафонович пробежал следом за автомобилем. С ним уважительно здоровались редкие прохожие, односельчане.

Выбившись из сил, он упал на обочине дороги в большую грязную лужу. Обеими головами зарылся в ней, загребая руками в истерическом крике чёрную жижу. Потом, немного успокоившись, встал на ноги и, едва передвигая ими, побрёл к своему домику. Несчастный... пенсионер.

А их старенький, но довольно надёжный «попрыгунчик» помчался дальше, в основном, невысоко, на десять-пятнадцать сантиметров, поднимаясь над дорогой, но иногда прижимаясь к ней, и так во время движения происходило постоянно.

– Я ничего и не понял, – засмеялся Снегирёв. – Что это там у вас в багажнике, в мешках?

– Что тебе тут понимать, юный наглец? – Возмутился Платонов. – Мы, считай, спасли тебе жизнь, а ты суёшь нос не в свои дела.

– Его уже наш груз не интересуется! – Сказал Гиров. – Мальчонка об этом начисто забыл и знать не желает. Так ведь, Ваня?

– Чего мне знать? – Переспросил Снегирёв. – Я и не понял, чего я не должен знать. Скачем себе и скачем. Когда в город-то примчимся?

– Вот и славно. Скоро будем на месте, – улыбнулся Платонов и серьёзно сказал Гирову. – Миша, а ты зря двуглавному старику память не отключил. Он ведь что-то будет предпринимать.

– Это мне и нужно, – ответил Гиров. – Надо для того, чтобы не потом, а сейчас на существовании некоторых негодяев поставить жирную точку. Я готов. Постараемся похоронить возможные неприятности навсегда.

– Да. Сегодняшний случай, как две капли воды, похож на предыдущие, – заметил Платонов. – Все неприятности у нас ещё впереди.

Снегирёв отрешённо и блаженно разглядывал в окно машины пышную растительность, диких животных, перебегающих через дорогу и тех, которых он видел по обеим её сторонам. Тигры, волки, обезьяны, кенгуру... Да, Россия – богатая страна. Всё в ней есть, но не для всех. Вскоре «попрыгунчик», поднялся на небольшую возвышенность, где дорога резко поворачивала вправо.

– Родион, загони нашего «попрыгунчика» на просеку, – сказал другу Гиров. – Я буду ждать местных экстремистов недалеко от шоссе. Я займусь этим один, так будет лучше.

Он решил отключить память двуглавному старику и его защитникам чуть попозже. Они забудут то, что делали в этот день с двенадцати до пятнадцати часов и о чём говорили. Такая вот запрограммированная амнезия.

К домику двуглавого старика, сидящего на скамеечке, подползи два электромобиля. Это были «змеевики». Быстроходный и комфортабельный автотранспорт фирмы «Президент». Виктор Агафонович Моблов уже почти пришёл в себя, но руки его, да и ноги, судорожно тряслись. Но одежда на нём по-прежнему была мокрой и грязной. Как бы, просто несчастный другой не имеет.

А к нему на трёх скоростных легковых «змеевиках» приехали гости из Большого Города – сын с женой и две дочери с мужьями и множеством детей разных возрастов. По их внешнему виду не скажешь, что они когда-либо бедствовали, недоедали и недопивали. Все упитанные и в шикарной одежде. В целом, с виду почти нормальные люди. У каждого только по одной голове, удлинённой, плоской, квадратной.

Родственники поочередно подходили к старику, обнимали его, мужчины пожимали руки, а потом проходили в дом.

– Дедушка, – спросила у Моблова маленькая девчушка с птичьим клювом вместо носа, – почему ты невесёлый? Конфетку хочешь?

– Спасибо, моя славная синичка, не хочу я конфет, – он погладил внучку по голове. – Скоро все будем одной капустой питаться.

– Как зайчики?

– Как они.

– Ой, как здорово!

– Яшка! – Закричал вслед одному из мужиков старик. – Сын ты мне или не сын? Чего морду в сторону воротить? Поди сюда! Успеете в доме-то поторчать!

– Чего, папа? – Подошёл к нему довольно упитанный и крепкий мужик. – Говори! Я тебя слушаю.

Надо сказать, что сын его был, вполне, симпатичным парнем – высокорослый, чёрноглазый, брюнет. Правда, голова его у Якова напоминала конусообразную пирамиду. Что ж поделать, если несуразным мутациям после нескольких ядерных войн поверглась не только часть «простых» людей, но и «сложных», весьма и весьма зажиточных и процветающих, жирующих на чужих костях и крови.

– Опять вся ваша свора ко мне за деньгами приехала? – Прямо сказал старик. – Своих, что ли, мало? Привыкли дань собирать.

– Ты прав, отец. Мы все в обиде на тебя. Ты ведь очень богат. Куда тебе твои миллиарды? В гроб? Извини за откровенность.

– Какой ты заботливый, Яша! Как ты переживаешь за мои капиталы.

– Ладно. Не будем об этом, папа. С голоду мы не умираем. Но дети подрастают. Запросы растут. Это и ежу понятно.

– Ты лучше скажи мне, Яков, чего в ваших семьях нет. Одних особняков и дворцов за границей понастроено столько, что... Одним словом, заткнись и не зли меня!

– Молчу. Пойдём в дом! Хоть чаю попьём. Мы там тебе кое-какие продукты привезли и новую одежду. Эта на тебе уже сгнила и... протухла.

– Яшенька, ты же знаешь, что мне для родного сына и для дочерей ничего не жалко, – сразу в четыре глаза заплакал старик Моблов. – Но сегодня произошла страшная трагедия. Полчаса тому назад ко мне приехали двое колдунов на «попрыгунчике», один с чёрной бородой и наглыми глазами. Они забрали все деньги и драгоценности, которые имелись в доме. Хорошо, что бандиты не добрались до моих счетов. Там основное, там миллиарды. Они, эти сволочи, колдуны или... очень сильные гипнотизёры.

– Что ты такое говоришь, отец? Они забрали у тебя больше семидесяти миллионов рублей?

– Какие там семьдесят! Восемьдесят три миллиона рублей. Ещё и золота и драгоценностей на семь с половиной миллионов. Хорошо, что ценные бумаги, пластиковые карты и лотерейные билеты оставили.

– Где они? Впрочем, дорога одна. Ты же знаешь, в какую сторону они направились. На «попрыгунчике» они от нас далеко не уйдут. Догоним! Убьём! А если не догоним, то сегодня же их отыщем. Пусть деньги не такие большие, но они ведь принадлежат нам, семейству и клану Мобловых!

Яшка рванул ворот цветистой рубахи на груди. Разволновался так, что даже облокотился на ветхий забор, который едва не завалился под его весом.

– Всё, что у них отнимете, – сказал двуглавый старик, становясь на ноги, – можете забрать себе. Разделите на три семьи. Будет внукам на конфеты и мороженое. Ничего не должно достаться врагам и мерзким недоумкам. А я уж, как-нибудь, пополню свой денежный запас в доме заново.

Коротко и довольно откровенно Яков назвал своего отца растяпой и потребовал, чтобы тот рассказал о грабителях всё, что знает. Но что мог такое запомнить и сообщить Виктор Агафонович сыну? У главного гипнотизёра наглые глаза. Оба молодые. С ними – какой-то пацан. Первые две цифры «попрыгунчика», вроде бы, «43». Хотя, кто его знает.

Буквально через несколько минут сын и мужья дочерей старика Моблова устремились в погоню за грабителями. Яшкин быстроходный легковой «змеевик» мчался по дороге на всех парах, с максимальной скоростью. Зятя на ходу готовили к бою автоматы-пулёмёты, тщательно проверяя содержимое патронов в запасных обоймах. В данном случае, как считали они, не требовалось световое или электронное оружие. Достаточно и этого, чтобы ликвидировать банду нищих на жалком «попрыгунчике».

– Будем убивать бандитов безжалостно! – Приказал Яков, со злостью наваливаясь грудью на баранку. – Потом что-нибудь придумаем. Но всё должно пройти тихо и спокойно. Нам тут афиша и реклама не нужна. Бросим их трупы в какую-нибудь яму или овраг – и концы в воду.

– Я ещё никого и никогда собственноручно не лишал жизни, даже куропаток, признался первый зять Филимон. – Получится ли?

– Получится, – заверил второй зять Парамон. – Грабителей и проходимцев надо жестоко наказывать. Всё норовят прожить за чужой счёт.

– А нищebroды считают, – заметил Филимон, – что это мы, процветающие бизнесмены, чиновники и политики отбираем у них последнее.

– Хватит рассуждать! – Среагировал на пустой разговор родственников. – Чего тут думать? Лопаты я с собой прихватил на тот случай, если придётся гадов зарывать.

– Плевать на эти деньги! – Возмутился Филимон. – Нам и так их хватит! Запаслись на четыре поколения вперёд. Давайте, вернёмся назад!

– Не дрожи, Филя! – Сказал Яков. – Я уже их вижу.

Но видеть «попрыгунчика», его водителя и пассажиров он не мог. Ведь и транспорт, и люди, которых преследовал Яшка, находились в надёжном укрытии.

С небольшой возвышенности Гиров увидел бешено несущийся по дороге «змеевик». Улыбнулся. Скорей, это даже была не улыбка, а самый настоящий оскал хищника. Глаза не заблестели, а загорелись, оранжевым светом, идущим из глубины его противоречивой духовной субстанции. Чем-то, конечно, таковая отдалённо напоминает и человеческую душу, но только отдалённо. В преображённом чёрнобородом с «колючими» тёмно-карими глазами Михаиле, который, по сути, ещё оставался тем далёким наёмным убийцей Георгием Пироговым, боролось добро и зло. При всех его великих, необычных способностях Гирову не дано было помнить и знать, кто он такой на самом деле, а только... предполагать. Но что бы ни делал Михаил Семёнович, он не сомневался в том, что служить только добру.

Само собой, Гиров уже несколько лет тому назад уничтожил бывшего мэра Большого Города, Василия Мурова. Бывший кот просто однажды не проснулся, умер, как говорят, легко и просто. Премьер-министра страны Абрама Ведева через пару месяцев Гиров отправил вслед за ним. На очереди был президент Кондрат Друмба и пара десятков миллиардеров, самых наглых, дошедших до скотского состояния зажавшихся господ. Но Платонов старался убедить своего чернобородого друга в том, что всех гадов таким образом просто невозможно уничтожить. Ликвидируешь одного, так на его месте появится другой. Всё, конечно, так, но не сидеть же, сложа руки. Всех дел, понятно, не переделать, но и лениться не стоит.

Спустившись вниз с возвышенности, он почти вплотную подошёл к обочине дороге. Гиров послал мощный мысленный заряд-импульс водителю быстроходного «змеевика». Машина, которую вёл Яков, резко затормозила, почти рядом с Гировым.

– Чертовщина! – Выругался Яшка и схватил в руки автомат, сунув в карман пиджака запасную обойму. – Сейчас нам, вероятно, придётся стрелять! С оружием – за мной!

Но открывать огонь по Гирову из скорострельного и надёжного им не пришлось. Выскочив из салона автомобиля, Моблов младший и его родственники побросали автоматы-пулемёты на землю. Безвольно опустили руки вниз. Вернее, у них просто не хватило ни физических, ни моральных сил их поднять их вверх. О стрельбе по живым мишеням не могло вестись и речи. Они с ужасом наблюдали за тем, как их автоматы-пулемёты, лежащие на земле, под пристальным взглядом обычного и наглого мужика переламывались, словно спички, становились мелкими металлическими фрагментами. В глазах преследователей стоял ужас.

– Деньги взял я, – спокойно сообщил им Гиров. – Деньги – это зло!

– Да, зло, – почти в один голос повторили все трое. – Это зло.

– Впрочем, я ничего и не брал. У вашего старика никогда не было этих денег, – уточнил Михаил. – Он сейчас весел и счастлив. Виктор Агафонович всё ненужное забыл. Все забыли! У вас это вылетело из памяти. Навсегда!

– Мы забыли... навсегда! – Повторили они вразнойбой. – Забыли! Нечего и не происходило.

Они, с некоторым удивлением и недоумением, стали собирать остатки автоматов-пулемётов, и швырять их в придорожные кусты. Потом расстегнули ширинки брюк, достали свои «инструменты» и дружно помочились, справили малую нужду.

– Друг! – Весело и задорно спросил у Гирова Яков. – Как нам проехать до поселения Прохино?

– Разворачивайте свой «змеевик», – ответил Михаил, – и мчитесь в ту сторону, с которой приехали сюда!

Недавние преследователи неизвестных грабителей торопливо сели в свою автомашину и в приподнятом настроении отправились в обратный путь.

Протест негативной сути

Слегка покачиваясь от усталости и недавнего перенапряжения, Гиров вернулся к «попрыгунчику», где его ожидали Платонов и Снегирёв.

– Голова болит, – сказал он. – Страшно болит голова. Чувствую, что мозг, словно разрывается на части. Посидим немного на траве, потом поедем.

– Ты просто переутомился, Миша, – успокоил друга Родион. – Отдохни! Спешить нам некуда.

– Когда болит голова, – посоветовал Ваня Снегирёв, – надо выпить чего-нибудь спиртного, господин бородач.

– Сгубят тебя, юный артист, веселящие напитки, – заметил Гиров, потирая пальцами виски и присев рядом с Платоновым. – Я сейчас самостоятельно постараюсь снять боль.

– Знаю. Это аутотренинг, – сказал Снегирёв. – Ничего сложного.

– Да, Ваня. Иногда у меня болит голова, – согласился с ним Гиров. – Порой кажется, что я нахожусь в чьём-то чужом теле.

– Я где-то читал, что такое бывает, – сообщил Ваня. – Души умерших не только могут появляться в новых телах, но и переселяться в старые, даже в самые разные предметы. К примеру, в те же камни.

Гиров встал на ноги и направился к «попрыгунчику». За ним пошли Платонов и Снегирёв.

– Ваня, – сказал Михаил юному вокалисту, – открой багажник машины. Там есть жёлтая сумка. Набросай в неё из куля пачек двадцать-тридцать купюр. Возьми и себе пару пачек. Пригодятся.

Снегирёв сделал всё, что надо, не забыв взять и себе пару пачек. Он сказал:

– Мне бы такую заработную плату.

– В нашей богатой стране, – заметил Платонов, – каждый должен быть в меру богат, а не глобально, как мерзкая куча нынешних воров из разбойников.

– В одной такой упаковке, – пояснил Гиров, – находится десять тысяч рублей. Большие деньги. Кули затоварены со знанием дела, компактно.

– Эти твари и рождены для того, чтобы присваивать и пересчитывать чужие деньги, – сказал Платонов. – Я врач и такой уж злой человек, но считаю, что их можно... перевоспитать. Не всех и не всегда следует... убирать.

– Ты окончательно определись, Родька, – посоветовал другу Михаил. – То злодеев ты собираешься уничтожить, то вдруг их... жалеешь. Я лично считаю, что не только они, но даже их потомство подлежит ликвидации. Это всемирная зараза, уничтожающая нормальных и обездоленных жителей нашей планеты.

– Не слишком ли мы жестоки с тобой, Миша? – Сказал Платонов. – Дети и внуки их совсем не причём.

– Ну, в крайнем случае, их детей следует активно перевоспитывать, учить думать и трудиться, – согласился с ним Гиров. – А ты сейчас, Родион, развези нас с Ваней по нашим жилищам, а потом уж отправляйся в свою резиденцию. Чуть попозже мы ещё пару ходок сделаем. Есть тут у меня на примете ещё два зажавшихся негодяя.

Платонов в знак согласия кивнул головой и сел за руль «попрыгунчика». Гиров и Снегирёв устроились на заднем сидении. Очень быстро они доставили Ивана до его молодёжного студенческого общежития, старого каменного пятиэтажного здания, которое власти Большого Города должны были снести, как аварийное, ещё десять лет тому назад. Самый настоящий бичёвник или бомжатник, в котором никто и никогда надолго не задерживался. Отсюда подавляющее большинство обитателей отправлялись в тюрьму, на переделку или на тот свет. Самоё

страшное – переделка. В специальной камере любого могут, к примеру, превратить в здорового быка и тут же отправить на мясо. Зажиточные господа и дамы, в основном, питались только таким. Оно считалось полезным для здоровья.

А те, из студентов, кому удавалось завершить образование в высших и средних учебных заведениях, в основном, становились рабами жуткой действительности. Ради чего? Только ради того, чтобы зарабатывать больше денег и, может быть, потом стать заметным чиновником или бизнесменом. Но тот, у кого не имелось влиятельных родственников или друзей, мог на это не рассчитывать.

Потом Платонов доставил и Гирова до его деревянного домика, в котором имелись две маленькие комнатки. Больше ему и не требовалось. Он временно снимал это неблагоустроенное жильё. Ведь Михаил Семёнович был не из тех, кто мечтал о личном глобальном процветании – дворцы, самолёты, яхты и прочее, по сути, отнятое у народа.

В этот же день Михаил в руках с жёлтой сумкой, наполненной деньгами, решил пройти по городу. У бронзового памятника, возведённому одному из многочисленных подонков, которые верой и правдой служили и служат бандитской и воровской власти, он увидел женщину не такого уж и преклонного возраста. Она, в рваной одежде, с морщинистым лицом, на котором вместо носа находилось нечто, похожее на хобот слона. Нищая протягивала руку в сторону прохожим, просила милостыню.

– Подайте, бога ради, – шепелявила она. – Не дайте умереть с голоду, люди добрые! Умоляю вас, помогите, во имя нашего славного президента Кондрата Кондратовича Друмбы и Партии Справедливости!

Гиров достал из сумки две пачки ассигнаций, протянул их нищей и сказал:

– Тут двадцать тысяч рублей, на первое время хватит. Только сразу же уходите отсюда. Их могут отнять у вас мелкие бандиты.

– Дай бог тебе счастья, добрый бородатый человек! – Она упала ему в ноги. – Бог доброты не забудет.

Сказав это, она бросила деньги в свою ветхую котомку и убралась прочь от бронзового истукана.

– Странный какой-то у нас бог, – тихо произнёс Гиров. – Он не забывает, любит собак и кошек, а на людей ему плевать. Получается, что все они поклоняются не богу, а чему-то придуманному для народа палачами, убийцами и грабителями. Настоящий Всевышний совсем другой. Я чувствую его и понимаю.

И это на самом деле было так. Настоящий, а не придуманный Всевышний незримо наставлял на истинный путь киллера Георгина, находящегося не только в чужом теле, но и ставшего, по земной сути, Михаилом Гировым. Уже многие понимали, что Господь находится в душе человека и вокруг него, но, ни в коем случае, не под богатой одеждой и не в шикарном дворце двуного существа, который смеет выдавать себя за верного божьего слугу. Блеф, грех и моральная нечистоплотность.

Студентов последнего, пятого года обучения лечебного факультета Верховной школы врачей и знахарей Большого Города в небольшой аудитории собрал доцент учебного подразделения научного ультра-либерализма Электрон Протонович Гандыпигин. Можно было бы сказать, что внешне он выглядит почти нормальным человеком, если бы вместо двух рук ни умел бы четыре. Впрочем, последствия двух ядерных войн, экологические аномалии дали о себе знать. К разного рода мутациям на Земле относились спокойно. Как говорится, что есть, то есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.